

Всплыло яркое воспоминание о том, как однажды дядя Джо обмолвился о том, что двадцать четвертое августа для него связано с днём смерти его матери, и поэтому он хотел бы отдать покойной дань уважения и посетить её могилу. Маленькая девочка прекрасно помнила тот момент, когда её собственная мама с радостью откликнулась на просьбу соседа, и утром того дня разбудила свою дочь как можно раньше, дабы они смогли успеть сделать все необходимые приготовления — сначала быстро позавтракали, после чего начали одеваться.

— Слушай-ка, Делия, — весело сказала мама, примеряя дочери новый сарафан перед зеркалом, — на твой день рождения мы с папой приготовим тебе необычный подарок. Я уверена, он тебе понравится.

— Какой подарок, мамочка? — спросила девочка, которой уже не терпелось поскорее покинуть дом.

— Такой, о которой ты даже помыслить не можешь, — загадочно улыбнулась мама и тут же сменила тему. — Посмотри на себя в зеркало, дорогая! *Você é incrivelmente incrível!* — воскликнула она по-португальски.

Делия без лишних слов послушно уставилась на свое отражение. И правда, сарафан был ей к лицу — легкий, кофейно-розового цвета, с короткими рукавами и вышивкой в виде розы на груди. Белая ажурная лента, опоясывающая талию, придавала всей фигурке малышки трогательную хрупкость. Делия не могла оторвать глаз от зеркала, и на её щеках вспыхнул легкий румянец. Мама, стоявшая у неё за спиной, мило улыбнулась.

— Вот, возьми, — она вдруг сунула девочке в руки букетик незабудок.

— Почему? Я не... — оторвав взгляд от своего отражения, непонимающим тоном спросила Делия.

— Не спорь со мной, — женщина приподняла бровь. — Мы идём на кладбище, неужто забыла?

При слове «кладбище» девочка на мгновение упала духом и слегка побледнела, но уже через секунду к ней вернулось хорошее настроение — она вспомнила, что они пойдут не одни, а в сопровождении дяди Джо.

— Что мне с ними делать, мамочка? — спросила она, глядя на букет цветов.

— Тебе нужно будет положить их на могилу покойной мамы Джо... — начала объяснять мама.

— Какой в этом смысл? — несколько резковато перебила её дочь.

Женщина на мгновение опешила — казалось, что она никогда не свыкнется с мыслью о том, что её дочь, как и все дети, любит задавать взрослым вопросы, кажущиеся им каверзными и смущающими. Однако она тут же взяла себя в руки и добродушно улыбнулась малышке.

— Когда ты возложишь цветы, — начала она, — то в загробном мире души твоих бабушки и дедушки будут всю вечность находиться рядом с душой матери Джо, чтобы защищать её и заботиться о её благополучии.

Закончив эту пространную речь, мать, не дожидаясь ответа малышки, положила руку на её плечо и повела дочь к выходу. Делия послушно пошла впереди, стараясь не выронить незабудки из рук. Её мать последовала за ней, на ходу поправляя на своей голове и без того идеально сидящую чёрную шляпку. Так обе женщины дошли до входной двери дома, поднялись

на крыльцо и вскоре оказались на улице. Делия оглянулась назад с целью задать какой-то вопрос, но мама, которая в этот момент не горела желанием болтать с дочкой по пустякам, молча подтолкнула её вперед. Они вышли из ворот и пошли вдоль забора, окружавшего их участок. Дойдя до калитки соседа, мама остановилась и нажала на звонок.

В этот самый момент до ушей Делии донесся лай Буффало, рыжего пса дяди Джо. Малышка слышала, как собака прыгает по двору и бросается на забор, словно пытаясь перелезть через него. Она хорошо знала, что он её не тронет, но у неё все еще был некоторый страх перед собачьим лаем в принципе, поэтому Делия инстинктивно подалась назад, встав позади матери и, закрыв лицо кучей, втянула свою маленькую головку в плечи. Мать, почувствовав страх дочери, успокаивающе погладила её по густым черным волосам.

После нескольких минут ожидания калитка открылась, и на улицу суетливым шагом выбежал высокий и стройный молодой человек в строгом черном костюме, белой рубашке и жаккардовом галстуке. На его лице было слегка испуганное и даже виноватое выражение, причину которого никто из присутствующих не мог понять.

— Дядя Джо! — не скрывая своей радости, закричала Делия и выскочила из-за спины матери.

Мужчина взглянул на девочку, словно не веря своим глазам, после перевел взгляд на её мать и быстро схватился за ручку калитки — его пёс уже готовился выпрыгнуть вслед за своим хозяином. Тяжелая деревянная дверь захлопнулась перед носом Буффало, и дядя Джо, достав ключи из кармана пиджака, начал запирать калитку. Делия молча наблюдала за ловкими и несколько нервными движениями тонких пальцев мужчины. Когда Джо наконец справился с замком, девочке вдруг нестерпимо захотелось, чтобы он заключил её в объятия, и с мыслью об этом она подошла к нему и протянула руки, но он внезапно отстранился от девочки.

— Простите, мадам, — обратился он к её матери, — что заставил вас ждать!

Делия, застывшая на одном месте с букетом незабудок в руках, не знала, как ей быть. Она была несколько обижена тем, что дядя Джо по отношению к ней строил из себя неприкасаемого, как будто она была не человеком, а каким-то надоедливым насекомым. Её возраст и невинность не позволяли ей понять, что подобная отстраненность с его стороны была вызвана общественными нормами, согласно которым взрослый мужчина не должен проявлять интереса к маленьким девочкам — по крайней мере, в плане физических контактов, что же касается устного общения, то на этот вопрос не было ни одного однозначного ответа.

Тем временем дядя Джо положил ключи от калитки в карман пиджака и, повернувшись к матери с дочкой, дружелюбно кивнул им, как будто только сейчас вспомнил об их существовании. Делия не ответила на его приветствие, в то время как её мать рассмеялась и протянула руку соседу. Малышка была немного тронута тем, как дядя Джо сердечно пожал руку её мамы, но она так и не поняла, была ли это просто вежливость или за этим скрывалось нечто иное. В любом случае, у неё не было причин обижаться на Джо, потому что она сама была виновата в том, что сломя голову бросилась ему навстречу с желанием обнять его.

На секунду она подумала о своем отце, который, окажись он свидетелем этого зрелища, наверняка не смог бы пересилить чувства ревности и набросился бы на дядю Джо с кулаками. По спине малышки пробежал холодок, но она тут же устыдилась своих мыслей, посчитав их дурным предзнаменованием. Кроме этого, Делия, будучи наследницей своей семьи, никогда не позволяла себе — по крайней мере пыталась, — плохо думать о своём отце. Делия изо всех сил старалась поверить в то, что её папа никогда не стал бы ссориться по пустякам, особенно со своим соседом.

Пока она думала об этом, взрослые, пожав друг другу руки, направились по дороге к кладбищу. Делия, слегка обиженная тем фактом, что никто не обращал на неё никакого внимания, покрепче сжала в руке букетик незабудок и последовала за ними. Дядя Джо шел медленно, грациозно переставляя ноги и почти не глядя по сторонам — казалось, весь его вид говорил окружающим, что он в печали и что веселье мирской суеты на него не распространяется.

Мать Делии, напротив, двигалась быстро и энергично, оживлённо жестикулируя и слегка покачивая округлыми бедрами, скрытыми под черной тканью шелкового платья. Казалось, она не испытывала никаких угрызений совести за свое несколько легкомысленное поведение, неуместное в такой торжественный час. Могло даже показаться, что тот факт, что они направлялись к последнему приюту усопших, был для неё просто поводом для разговора по душам.

Предметом разговора взрослых была, как нетрудно было догадаться, личность самого дяди Джо — всю дорогу мать Делии постоянно обращалась к нему с какими-то легкомысленными вопросами, на которые мужчина отвечал с большой готовностью. Звук его голоса вызвал у Делии неожиданное теплое чувство по отношению к нему. Было в дяде Джо что-то такое, чего не было ни у одного другого известного ей мужчины — ни у её старого отца, которого она знала с младенческих лет, ни у кого-либо из его знакомых. Возможно, что всё заключалось в трогательно притворном бессилии дяди Джо, а может быть, в его мальчишеской застенчивости — по его внешнему виду можно было сделать вывод, что он, казалось, стеснялся раскрывать свое истинное лицо перед окружающими.

Дядя Джо разговаривал с её мамой на темы, которые были скучны для маленькой восьмилетней Делии, но тем не менее она слушала их речь с интересом, хотя и не понимала сути.

— Почему вы выбрали такую непрестижную профессию? — почти игриво спросила мать Делии дядю Джо.

— После смерти матери, — с некоторой грустью ответил мужчина, — мне нужно было погасить её долги, из-за чего пришлось продать почти все её вещи. Это был единственный доход в те злые дни.

Он вздохнул. При взгляде на его лицо было понять, что для него это были действительно тяжелые времена.

— Вы мне не ответили, — нетерпеливо сказала мать девочки, быстро идя рядом с ним.

— Извините, — тихо ответил он, слегка опустив глаза, — мне действительно не хочется говорить на эту тему.

— Мне вы можете открыть всю свою душу такой, какая она есть, — с улыбкой ответила его собеседница.

— Ну ладно, — лицо дяди Джо, казалось, просветлело, — дело в том, что я профессиональный прокрастинатор — другими словами, очень ленивый человек.

Делия не смогла удержаться от смешка, следуя за своими взрослыми спутниками. Возможно, это было проявлением плохих манер, но она просто не могла не подумать о том, что слово «ленивый» по отношению к дяде Джо было слишком неуместным, чтобы соответствовать его личности, знаниям и манерам. Услышав её смешок, взрослые остановились и оглянулись. Мать внимательно посмотрела на дочь, в её глазах читалось недоумение, смешанное с пока не

очевидным, но всё же гневом. Её дочь почувствовала себя неловко и виновато улыбнулась.

— Дорогуша! — строго сказала мама. — Нельзя смеяться над недостатками других людей — они есть у всех. И, конечно же, у тебя их не меньше, чем у кого-либо другого.

Делия виновато опустила глаза. Дядя Джо понял, что нужно что-то предпринять, чтобы ослабить неловкость положения, в котором очутилась девочка. Он дружески подмигнул малышке и обратился к её матери.

— Все в порядке, мадам, — сказал он примирительным тоном, — не упрекайте ребёнка в том, что разговоры взрослых кажутся ему забавными. Вы сами, наверное, в юности вели себя точно так же. С возрастом это пройдет.

Эта речь дяди Джо произвела свое действие на мать Делии, которая, поколебавшись несколько мгновений, решительно кивнула головой.

— Что ж, мистер Тёрлоу, — сказала она, — пусть будет по-вашему.

Девочка видела, как на самом деле трудно было её матери пойти на этот шаг, но она не испытывала к ней сочувствия — её гораздо больше тронула готовность дяди Джо что-то сделать для неё, маленькой и доверчивой дочери фармацевта. На лице малышки, помимо ответной благодарности, появилась нежная улыбка, и она посмотрела на мужчину своими большими невинными глазами. Дядя Джо, казалось, ничего не заметил — он просто повернулся и продолжил свой путь по направлению к кладбищу.

— Всю свою сознательную жизнь я пытался оттянуть тот момент, — продолжил он диалог с матерью Делии, — когда мне придется начать зарабатывать себе на жизнь. В молодом возрасте я сокрушался, что общество не в состоянии раздавать блага всем и каждому, — при этих словах он вздохнул. — Но, как вы прекрасно понимаете, рог изобилия всего лишь утопический символ, и поэтому мне с тяжелым сердцем пришлось согласиться с устоями нашего несовершенного мира.

— Любопытно, — задумчиво произнесла мать Делии, — так вы довольны своей профессией? Я знаю, что она не приносит много денег.

— Дело не в деньгах, — сказал дядя Джо. — я пошел по стезе культуролога исключительно с той целью, чтобы не проводить много времени на работе.

— Хотите сказать, что даже эта работа выматывает все ваши силы? — его собеседница нахмурилась.

— Я считаю, что человек не должен жить исключительно одним трудом. Мне претила мысль стать кем-то вроде продавца или официанта — потому что другие начали бы относиться ко мне не как к личности, но всего лишь как к винтику в социальной структуре. Честно признаюсь, такая работа лишает меня возможности самовыражения, чего моя природа не приемлет.

— Я бы не сказала, что меня устраивает ваш взгляд на жизнь, — сказала женщина с едва скрываемым презрением, — интересно, как к этому относилась ваша покойная мать?

— Она тоже не одобряла мои мысли, — склонил голову дядя Джо, — и постоянно сокрушалась, наблюдая за тем, как я трачу её деньги безо всякой цели. Я отдавал себе отчет в том, как ей было тяжело, ведь ей приходилось одной зарабатывать на жизнь и мое воспитание...

— Скажите, вы не считали себя хорошим сыном? — неожиданно перебила его мать Делии.

— Мне трудно дать ответ на вопрос такого рода, — мужчина пожал плечами, — я никогда не утверждал, что являюсь выдающимся человеком. Родители склонны идеализировать своих детей, но ребёнок в первую очередь хочет быть самим собой, и я не был исключением.

— Ох уж эти дети... — задумчиво произнесла его собеседница.

После этих слов мать Делии на мгновение бросила на свою дочь взгляд, полный сожаления и скрытой тоски.

Наконец их троица приблизилась к месту захоронения усопших. Под сводами высоких деревьев, росших у потемневшей от времени железной ограды, было прохладно. Солнечный свет играл на листьях старых дубов и клёнов, и время от времени до ушей малышки доносились птичьи трели, сопровождаемые тихим шелестом листьев. Взрослые прошли через ворота и направились по дорожке, которая проходила между ровными рядами могил и выводила людей на небольшую площадку, где под лучами солнца ярко сияла крыша небольшого склепа, стены которого были окружены цветущими кустами сирени. С левой стороны от него возвышался высокий обелиск из черного гранита, установленный на небольшом белом постаменте. Подобная разница в цветах придавала всему облику обелиска довольно контрастный вид. В лучах утреннего солнца его блестящая поверхность сияла невероятным блеском.

Делия, следуя за своими спутниками, с интересом смотрела по сторонам. Сначала она была поражена суровой красотой надгробий, но вскоре детское любопытство уступило место другому чувству, близкому скорее к меланхолии. Несомненно, вид могил вызвал в душе девочки странное чувство, которое можно было бы описать ложной утратой — у девочки было ощущение, что как только она пересекла невидимую границу, отделявшую кладбище от всего остального мира, то она сразу прониклась жалостью ко всем, кто был похоронен здесь под тяжелыми плитами.

Возможно, это могло быть простым проявлением детского преклонения перед последним приютом усопших, но, так или иначе, дети чувствуют окружающий мир острее, нежели взрослые, поэтому объяснить простыми словами странные чувства, охватившие Делию в тот момент, было невозможно — хотя бы потому, что и она сама не смогла их никак выразить.

Тем временем процессия из двух взрослых и одного ребенка приблизилась к вожделенной могиле, каменная плита которой была скрыта под зарослями сорняков — очевидно, никому не было дела до матери какого-то несчастного культуролога. Посреди бурьяна виднелось довольно-таки простое и непритязательное надгробие из натурального камня с вырезанной на нем надписью «Джеанн Тёрлоу (21 июля 1946 — 24 августа 1984)». На фоне соседних, аккуратно прибранных могил, могила матери дяди Джо производило такое гнетущее впечатление, что казалось, будто здесь была похоронена не бедная, скромная женщина, но мерзкая преступница, которая вызывала отвращение даже после смерти.

— Боже мой! — воскликнула мать Делии, разводя руками.

— В чём дело? — очнувшись от оцепенения, спросил её дядя Джо.

— Вы вообще не следили за могилой своей матери! — укоризненно ответила ему женщина. — Когда вы были здесь в последний раз?

Последние слова она произнесла, повернувшись ко Джо. Делия увидела, как лицо её матери засветилось такой энергией и решимостью, что малышке стало ясно — эта женщина готова на

всё, каких бы усилий ей это ни стоило. Девочка перевела взгляд на дядю Джо, который молча стоял, глядя прямо перед собой. Его плечи были расслаблены и опущены, из-за чего могло создаться впечатление, что он как будто мгновенно устал от происходящего.

После минутной паузы мать Делии безо всякого предупреждения бросилась к могиле Джеанн Тёрлоу и, захватив сразу несколько зелёных стеблей сорняков, с силой потянула их на себя. Раздался хруст, и комья земли полетели во все стороны. Делия, которая продолжала стоять рядом с дядей Джо, вовремя отскочила в сторону, и её сарафан остался чистым. Её мать продолжала энергично вырывать сорняки из земли, в то время как дядя Джо продолжал стоять в расслабленной позе и с недоумением наблюдал за этим. Делия искоса посмотрела на него — она была несколько смущена тем, что мужчина даже не попытался помочь женщине, которая была его соседкой и её матерью в одном лице!

— Дядя Джо, — вдруг сказала малышка, встав на цыпочки, чтобы заглянуть ему в лицо, — пожалуйста, помоги моей маме! Ты ведь сильный, я же знаю...

Её последние слова заставили дядю Джо улыбнуться — видимо, взрослому мужчине было забавно слышать, как маленькая девочка пытается возвать к его силе. Слегка склонив голову набок, отчего его волосы немного растрепались, он посмотрел на девочку сверху вниз, и ей показалось, что его лицо приобрело несколько самодовольное выражение.

— Правильно говоришь, дорогая, — вдруг раздался голос матери Делии.

Джо и Делия повернулись к ней одновременно и увидели, как она стояла у могилы. Её раскрасневшееся от работы лицо выражало заметное неудовольствие. Девочка заметила, что на черном шелковом платье её матери теперь были отчётливо видны неэстетично выглядящие пятна от влажной земли.

— Мамочка, ты вся испачкалась! — воскликнула Делия с некоторым испугом.

Женщина ничего не ответила своей дочери, только оглядела себя с ног до головы, словно удивляясь тому, как ей удалось перепачкаться, но так уж получилось, что мать Делии была настолько увлечена своей работой по выкорчевыванию сорняков с могилы, что совсем не обращала внимания на свою внешность. Девочка перевела взгляд на дядю Джо, который, повиновавшись какому-то импульсу, уже закатывал рукава, собираясь принять участие в уборке могилы.

— Как вам не стыдно, мистер Тёрлоу! — сказала мать Делии, выпрямляя спину. — Вы заставляете меня убирать могилу вашей матери в одиночку, пока сами...

Она вдруг прикусила язык, осознав, видимо, что в присутствии маленькой дочери разговаривать в таком тоне очень рискованно — ведь что будет, если её ребёнок нахватается грубых слов и, не зная их значения, будет использовать их в разговоре со всеми, кого встретит? Тем временем дядя Джо твердым и размеренным шагом приблизился к могиле своей собственной матери, на ходу расстегивая пиджак. Однако своим чутким взором Делия углядела во всей его фигуре некоторую нерешительность, словно его насильно заставили взяться за это дело. Джо наклонился и начал выдергивать сорняки голыми руками, а затем его напарница последовала его примеру.

Делия с едва скрываемым удовольствием наблюдала, как слаженно и энергично работают взрослые. Мужская помощь была действительно очень в тему — через несколько минут взорам всех присутствующих открылся вид на аккуратную гранитную плиту, инкрустированную виноградной лозой. Как оказывалось, за пять лет ветер и дожди почти не коснулись

поверхности камня, разве что изысканные узоры были слегка испачканы грязью. Как только совместными усилиями Джо и матери Делии все сорняки были вырваны, девочка подошла к могиле Джеанн Тёрлоу и, преклонив колени, стала с интересом разглядывать рисунок, выполненный в граните.

Откинув со лба прядку чёрных волос, Делия протянула вперед левую руку и нежно провела кончиком указательного пальца по полированному камню, всё еще продолжая сжимать в другой руке букетик незабудок, который ей надлежало положить у изголовья. Девочка услышала тихий вздох дяди Джо и слегка повернула голову в его сторону, чтобы понять, почему он вздохнул. Он стоял, скрестив руки на груди, и молча смотрел на могилу своей матери. Его печальные глаза и опущенные руки почему-то тронули сердце малышки, и ей захотелось сказать ему что-нибудь ободряющее. Но как только она начала подыскивать слова, ей вдруг пришла в голову мысль, что не стоит много говорить рядом с могилой покойника. Поэтому Делия ограничилась невинным пожатием плеч и милой улыбкой, которую, впрочем, дядя Джо не принял во внимание.

Торжественная троица продолжала молча смотреть на могилу Джеанн Тёрлоу, время от времени обмениваясь взглядами. Затем мать Делии вздохнула и, подняв правую руку к лицу, начала массировать переносицу, и её глаза, как заметила девочка, увлажнились слезами. Дядя Джо застенчиво улыбнулся. Прошло некоторое время, прежде чем тишину нарушил голос женщины:

— Делия, как ты думаешь, мама Джордана была бы рада познакомиться с тобой, если бы была ещё жива? — в порыве сентиментальности мать Делии задала дочери риторический вопрос.

Делия хотела было ответить, но слова замерли у неё на языке, поскольку в следующую секунду её мать дала волю слезам, и её рыдания эхом разнеслись по кладбищу. Смущённая этим событием, малышка задрожала всем телом, чувствуя, что и она может вот-вот заплакать. Твердо упершись ногами в землю, она прижала букетик незабудок к груди и замерла. В её голову медленно начали приходить печальные мысли о том, как трудно было бы ей, если бы её собственных родителей вдруг не стало.

Как она знала, человеческий век короток, плюс ко всему есть такая загвоздка, что человек может стать смертным внезапно, и, будучи всего лишь маленьким ребенком, Делия ужасно боялась потерять свою маму. Что же касается её отца, то девочке с её небольшим жизненным опытом казалось, что с его смертью в её жизни мало что может измениться, разве что пыль осядет на его месте в столовой, да и из-за закрытых дверей их гостиной перестанут доноситься отголоски жарких споров отца с её матерью относительно педагогических и религиозных взглядов на её собственное воспитание.

Из этих мыслей девочку вывел зов её матери. Делия подняла глаза и увидела, что та уже отошла от могилы Джеанн Тёрлоу и теперь стоит рядом с дядей Джо на мощеной дорожке между могилами. Когда девочка встретилась взглядом с мамой, женщина махнула рукой в сторону надгробия.

— Делия, — сказала она, внимательно глядя на малышку, — положи незабудки у изголовья и иди к нам, уже пора домой.

Очнувшись от грустных мыслей, девочка кивнула своей матери и, поднявшись на ноги, подошла к самому краю могилы Джеанн Тёрлоу и, слегка повертев в руках букетик незабудок — ну очень уж нравились ей эти цветы — медленно опустила их на мягкую землю, после чего повернулась к взрослым и вопросительно посмотрела на них.

— Умничка моя, — кивнула мама с улыбкой на губах, — а теперь иди к нам. Поторопись! — подбодрила она дочку, которая нерешительно топталась на месте.

Дядя Джо, стоя немного позади своей соседки, молча наблюдал за всем происходящим. Печальное выражение исчезло с его лица, и теперь он казался счастливым и умиротворенным, а комья грязи на его строгом костюме придавали его облику беспечность и некоторое легкомыслие. Делия почувствовала, как что-то шевельнулось в её душе, когда она посмотрела на него, но не могла понять, что это было за чувство. Она пошла по направлению ко взрослым, по дороге вытерев руки о свой сарафан. Это действие не ускользнуло от зорких глаз её матери, которая нахмурилась и укоризненно покачала головой.

— Дорогуша, зачем ты испачкала одежду? — укоризненно спросила женщина, когда Делия подошла и встала рядом с ней. — Ты же не какая-нибудь простушка, а цивилизованная леди! — заключила она.

Взяв девочку за руку, мать сжала её маленькую ладошку в своей и повела к выходу с территории кладбища. Делия послушно последовала за ней, чувствуя себя немного неловко из-за того, что та так бесцеремонно оторвала её от искреннего выражения чувств перед могилой Джеанн Тёрлоу. По-видимому, это ощущение передалось и её матери, которая ускорила шаг, так что дочери пришлось поспешить за ней. Вскоре эта странная скованность прошла, и Делия вернулась к своим мыслям.

Она верила в то, что букет незабудок, который ей только что довелось возложить, будет вечно лежать на могиле матери дяди Джо, напоминая всем окружающим о том, как благовоспитанная молодая леди — девочка мысленно повторила слова своей мамы — отдала дань памяти покойной родственницы своего духовного учителя и наставника, выражая тем самым свое глубочайшее уважение как к его собственной персоне, так и ко всей его семье. Как и подобает хорошенькой маленькой девочке, Делия продолжала идти рядом со своей мамой, но когда их процессия миновала кладбищенскую ограду, она не смогла удержаться от того, чтобы оглянуться и бросить последний взгляд на могилу матери дяди Джо.

То, что открылось глазам маленькой девочки, потрясло её до глубины души — у надгробного камня стоял незнакомый небритый мужчина в рваной одежде и с грязными взъерошенными волосами, которые уродливо торчали из-под его старой фетровой шляпы. На несколько мгновений девочке показалось, что это какой-то призрак, бродящий между могилами, но когда она пригляделась повнимательнее, то поняла, что это самый обычный пожилой нищий, внешне очень похожий на тех, кого она привыкла видеть на экране телевизора в унылых и занудных телефильмах на городскую тематику.

воровато оглядевшись по сторонам, этот уродливый человек снял шляпу и тут же подобрал с земли букетик незабудок. Делии потребовалось немало усилий, чтобы прикрыть рот рукой, дабы не закричать от охватившего её чувства обиды и детского возмущения. Старый нищий, со свистом выдохнув воздух, начал торопливо класть цветы в карман своего грязного пиджака, и, справившись с этим делом, тут же бросился прочь. Малышка провожала его глазами, пока он не скрылся за зданием склепа.

С силой сжав свободную руку в кулак, Делия стиснула зубы и глубоко вздохнула. Мысли о недостойном поведении старого нищего не выходили у малышки из головы. Она задавала себе вопросы из разряда «Зачем он украл цветы, предназначенные для покойной?», «Что он собирался с ними делать?» и так далее. На долю секунды Делию охватило желание немедленно наказать вора, но она подавила это желание, понимая, что ничего не может поделать со взрослым мужчиной, и даже если бы она попыталась это сделать, то это выглядело бы по

меньшей мере глупо, если не рискованно. Сглотнув комок, подступивший к горлу, девочка перевела взгляд на свою мать, которая продолжала вести её вперед, следуя за дядей Джо.

Делия почувствовала, как ветер, который до этого слегка лишь слегка шевелил её волосы, постепенно усилился и теперь начал задуть её под одежду. Она поёжилась от холода и подняла руку, затекшую от долгого лежания, чтобы поправить свою белую лёгкую сорочку. В тот момент она и не помышляла о том, чтобы встать с подоконника и надеть что-нибудь потеплее — девочку очаровал вид луны, которая к этому времени уже начала скрываться за тёмными и расплывчатыми облаками. Делия находилась в состоянии, когда мысли преобладали над желаниями её тела, и хотя по натуре она и так была расположена к меланхолическим размышлениям, но в состоянии протрации, подобное этому, она удосужилась впасть впервые за все свои десять лет.

Делия вспомнила один из своих многочисленных воскресных походов в местную церковь, которая, если подумать, находилась не так уж далеко от её дома. Сама церковь была настоящим произведением искусства — облицованное кирпичом здание с дополнительной каменной кладкой, округлые окна которого молча свидетельствовали о том, что её архитектор увлекался романским стилем. Угловая башня с зубцами, возвышавшаяся над крышей остальной части церкви, вызвала у Делии приятные ассоциации с фильмами о средневековой жизни, и, можно сказать, этот факт давал девочке дополнительную мотивацию ходить в это место (не считая её лютеранского исповедания, конечно).

В то воскресенье дочь и мать, согласно установившейся в их семье традиции, надели кружевные шали — Делия сиреневую, её мама чёрную — и, выйдя из дома, вскоре достигли парадных дверей церкви. Стоит, кстати, заметить, что в тот день Делия была не в самом лучшем настроении, потому что перед выходом из дома она умудрилась поссориться с отцом из-за того, что он придрался к её рисунку, на котором был изображен человечек с рыжими волосами. Главная причина, собственно говоря, заключалась не в самой картинке — грубой, как и у всех детей её возраста — но в том факте, что девочка подписала свой рисунок теми семью заветными буквами, которые вызвали неоправданную панику и паранойю у её родителей и взрыв восхищения у самой малышки.

Поэтому, когда отец уехал из дома на работу в центр, девочка, упав духом, отправилась в церковь, даже не разговаривая по дороге с матерью. Правда та, будучи свидетельницей ссоры между дочерью и мужем, в свою очередь тоже не была расположена вести душевные беседы. Как бы то ни было, когда обе женщины наконец добрались до церкви, угрюмое чувство неудовлетворенности постепенно уступило место необъяснимому возбуждению, и через несколько минут Делия забыла о своей семейной ссоре.

Подвешенные на цепях у полка лампы с красивыми шестиугольными абажурами светились теплым желтым светом, который отражался от полированного дерева мебели. Само по себе освещение в церкви было приглушенным, словно начальство церкви не хотело нарушать торжественность богослужения ярким электрическим светом, но это не помешало девочке с энтузиазмом разглядывать винтажный интерьер церкви, которым она, говоря по правде, раньше никогда особенно не интересовалась, поскольку церковь была для малышки такой же рутиной повседневной жизни, как, к примеру, школа или продуктовый магазин.

Человеку, подкованному в архитектурных делах, было очевидно, что интерьер этой церкви был выдержан в готическом стиле, свидетельством чего служила, к примеру, потолочная опора, вырезанная из дубовых и еловых досок. Потолок контрастировал с белыми стенами, оформленными скромно, но со знанием дела. Не обращая внимания на прихожан, толпившихся среди полукруглых рядов скамей, Делия устремила свой взор на алтарь, отчего её личико

приобрело мечтательное выражение, а пряди густых чёрных волос, лежавших на её плечах, немного растрепались, но со стороны это было не заметно из-за сиреневой шали, брошенной на голову девочки.

Богослужение в церкви Портленда мало чем отличалось от аналогичной процедуры, которую девочке доводилось наблюдать во время жизни в Нью-Йорке, за исключением того, что среди прихожан количество стариков преобладало над людьми среднего возраста, а из детей на данный момент была только одна Делия — как будто местные жители придерживались мнения, что не следует водить своих детей в церковь. Малышка не помнила, как проходило богослужение в тот конкретный день, потому что в своих мыслях она была полностью поглощена Джо — казалось, торжественная атмосфера этого святого места с новой силой воскресила образ этого человека в её мыслях.

Когда прихожане начали расходиться, мать Делии слегка подтолкнула дочку локтем в плечо.

— Дорогая, нам нужно идти, — в голосе женщины слышалась усталость.

Делия, продолжая стоять неподвижно, повернула к ней голову.

— Мамочка, я хочу остаться здесь, — смиренно сказала она.

Женщина неловко обняла её.

— Что ты тут потеряла? — недоуменно спросила она.

— Я останусь, — настойчиво повторила дочь, отворачиваясь от неё.

— Как пожелаешь, красавица, — сдалась мать.

С этими словами она направилась к выходу из церкви, пока Делия продолжала смотреть на резной дубовый алтарь.

— Я буду ждать тебя снаружи, — донесся до ушей малышки голос её матери.

Убедившись, что та покинула церковь, девочка, поправив свою шаль, вышла из-за рядов деревянных скамей на устланное красным ковром пространство перед алтарем, у которого в этот момент в одиночестве стоял викарий, которому на вид можно было дать лет сорок. Он был одет в безупречную чёрную сутану, а его волосы были скрыты шапочкой того же цвета. Священник наблюдал за суетящимися людьми, выходящими из церкви, даже не пытаясь скрыть скуку на своем лице. Казалось, он не придавал никакого значения ребёнку, который в это время приближался к нему.

Делия, напротив, с каждым шагом, приближавшим её к алтарю, чувствовала всё большее возбуждение. Её руки слегка дрожали от волнения, поэтому ей приходилось держать их скрещенными на груди. Девочка чувствовала, как недоуменные взгляды других прихожан скользят по её маленькому телу, завернутому в сиреневую шаль. Подойдя ближе к викарию, Делия слегка поправила её, чтобы священник мог чуть лучше видеть её лицо, и остановилась у подножия четырех ступенек, устланных красным бархатным ковром

— Добрый день, преподобный Уиллис, — тихо, но твердо произнесла девочка

При звуке её голоса викарий вздрогнул и, скользнув по ней безразличным взглядом, продолжал хранить молчание.

— Позвольте мне спросить вас... — решительно продолжила Делия.

Священник повернулся к ней — по блеску его глаз было очевидно, что он совершенно не в настроении болтать о пустяках с малолетними прихожанками, даже если они были такими серьезными, как эта.

— Иди с миром, дочь моя, — сказал он, даже не пытаясь замаскировать своё недовольство.

— Не могли бы вы, пожалуйста... — начала было Делия, но викарий перебил ее.

— Время богослужения закончилось, тебе здесь больше нечего делать, — с этими священнослужитель указал на выход.

Такое обращение несколько задело девочку, но она постаралась не показывать виду, и только румянец на щеках выдавал её раздражение.

— Мне нужен ваш совет, преподобный Уиллис, — твердо сказала она, глядя в лицо викарию.

— Какая непослушная девчонка... — едва слышно прошептал он. — Иди домой, дочь моя, — сказал священник громко.

— Я никуда не уйду, пока вы не ответите на мой вопрос! — упрямо ответила ему девочка.

После этих слов Делия не удержалась и легонько топнула своей ножкой, обутой в черную туфлю. Подобный способ выразить своё нетерпение в стенах церкви выглядел несколько неуместно, но в эту минуту девочка была настроена решительно и поэтому позволила себе нарушить правила хорошего тона. В следующую секунду викарий сдался её напору и, сделав пару шагов по направлению к ней, остановился на самой верхней ступеньке.

— Что тебя гложет, дочь моя? — в его голосе все еще слышались нотки неудовольствия.

— Преподобный Уиллис, — начала Делия, — мне страшно подумать, но иногда мне кажется, что взрослые что-то скрывают от меня.

Девочка, конечно, имела в виду тот факт, что родители скрывают от неё все, что было связано с дядей Джо. Но откуда это мог знать этот конкретному церковному сановнику?

— Не волнуйся, дочь моя, — ответил ей викарий, — родители всегда не сразу открывают мир своему ребёнку, потому что человек должен познавать его постепенно, по крупицам.

Делии не понравилось, что священнослужитель, вместо того чтобы выслушать свою собеседницу, сразу же начал пускаться в пространственные речи, которые совершенно не относились к тому, что она хотела сейчас услышать.

— Я не это имела в виду, преподобный Уиллис, — стараясь сохранять спокойный тон, сказала она.

Увы, викария остановить было невозможно — казалось, вопрос молодой прихожанки стал катализатором его красноречия, и священнослужитель дал выход потоку прописных истин, которые сорвались с его уст на дочь фармацевта, мало интересовавшуюся религиозными темами.

— Если человек, — начал викарий, воздев палец к потолку, — с юных лет вдруг узнает об окружающем мире все сразу, то знай, дочь моя, что это от лукавого, и такой человек идет

против заповедей Господних.

Делия поняла, что ей снова придется пойти против правил поведения, чтобы заставить священника ответить на вопрос, который беспокоил её уже много месяцев. Глубоко вздохнув, она почти инстинктивно уперла руки в свои нежные бёдра, как любила делать её мать во время семейных ссор.

— Пожалуйста, выслушайте меня, преподобный Уиллис, — громко сказала Делия, прерывая нравоучительную тираду собеседника, — мои родители не хотят говорить со мной о человеке, к которому я испытываю чувства, которые, ух... — она вдруг замолчала на полуслове.

Дело было в том, что девочка стеснялась говорить о дяде Джо напрямую, поскольку её мучили подозрения, что если она расскажет викарию о своей духовной связи — подчёркиваем, духовной, а не физической — со взрослым мужчиной, то священнослужитель тут же начнёт осыпать её упреками, даже не пытаясь выяснить, в чем именно заключалось их общение. Поэтому Делии пришлось приложить усилие, чтобы вдруг замолчать и застыть в позе послушной и покорной рабыни Господней. Заметив это, викарий не стал делать ей выговор за неподобающее поведение в стенах церкви и даже изобразил на своем лице подобие благочестивой улыбки, которая через секунду сменилась обычным выражением спокойствия.

— Всё еще может наладиться, дочь моя, — утешал Делию священник. — Ты говоришь о любви?

В голосе викария послышался лёгкий интерес, который придал Делии уверенности в себе. Кивнув головой в знак согласия с его словами, она откинула непослушные локоны, выбившиеся из-под шали.

— Преподобный Уиллис, я живу в постоянном страхе, — уверенно заговорила она, — что с этим человеком случилось что-то плохое. Что мне следует делать?

После этих слов девочка устремила свои тёмные глаза на викария. Хотя её вопрос был сформулирован не совсем правильно, тон, которым Делия задала его, должен был служить доказательством того, что ответ на него действительно важен для неё. Увы, священнослужитель не воспринял слова ребёнка всерьёз — вместо этого он, не тратя ни секунды на раздумья, одарил девочку снисходительной улыбкой.

— Ты любишь, дочь моя, а любовь и страх всегда рядом, — словно декламируя какую-то прописную истину, добродушно произнес викарий. — Просто веруй, надейся и жди, — нараспев произнёс он.

По окончании этой тирады он отвернулся от девочки и поднял глаза на висящую над алтарем потемневшую от времени круглую металлическую пластину, украшенную сложными узорами, которые местами были покрыты стёршейся от времени позолотой. Это следовало расценивать как знак того, что их разговор подошел к концу. Делии ничего не оставалось, как поправить шаль и направиться к выходу из церкви. Вся фигура девочки говорила окружающим о том, что этот диалог со священнослужителем поверг её в состояние, граничащее с недовольством, и теперь она изо всех сил старалась не высказать своего несогласия с ответом викария.

Стараясь ступать как можно медленнее по красной ковровой дорожке, расстеленной между рядами скамей, девочка подумала про себя, что в переводе на простой язык слова викария следовало понимать таким образом, что он был не в состоянии дать Делии совет касательно того, как ей справиться с ситуацией, связанной с дядей Джо. Малышка пожалела о том, что произнесла прямо в лицо священнику цитату из книги, которую когда-то читала со своим взрослым другом. Хотя чтением это можно было назвать с большой натяжкой, потому что

девочка просто сидела рядом с дядей Джо и слушала, как он читал вслух своей юной слушательнице. В частности, цитата, которую Делия считала уместной в данной ситуации, заключалась в том, что некий мудрец и врач попросил Господа Бога уничтожить человеческую расу и создал более совершенных людей, но Господь Бог ответил, что, хотя он и сочувствует мудрецу, он не может выполнить его просьбу.

Возможно, что на самом деле этот диалог имел совершенно другой смысл, но девочка не могла этого знать, хотя бы потому, что содержание этой книги дяде Джо пришлось переводить прямо на ходу, ибо написана она было на немецком, знания которого у Делии были, мягко говоря, очень поверхностными, если не сказать нулевыми. Если бы девочке удалось найти эту книгу на своем родном языке — то бишь английском — то она, несомненно, сверилась бы с грамотно переведённым текстом и высказала викарию, что именно было описано в оригинале, но, к величайшему сожалению девочки, ей не удалось найти английский перевод этой книги. В основном в этом ей мешали её собственные родители (которые, казалось, ненавидели всё, связанное с дядей Джо), а также была такая сложность, что она не могла знать точного названия — Делии было трудно запоминать и произносить немецкие слова, а приблизительный перевод «Это непросто, быть богом», вероятно, ничего бы не дал скучающим продавцам в книжных магазинах.

Впрочем, была ещё одна причина, которая не позволила малышке просто так взять и процитировать книгу в лицо викарию — дело заключалось в том, что когда дядя Джо закончил читать ей эту книгу, он попросту дал девочке наказ не цитировать её содержимое направо и налево. Как она думала, причиной этому служило то, что Господь Бог, описанный на страницах этой в высшей степени необыкновенной книги, был не седовласым стариком, который сидел на облаке и отдавал приказы ангелам, но, напротив, отважным молодым рыцарем, который восседал верхом на коне и участвовал в дрязгах некоего средневекового государства. «Ну что плохого в том», — задавала себе вопрос Делия, — «чтобы представлять Господа Бога крутым парнем?».

Она помнила, как в книге описывалось, что этот Господь Бог, который под видом простого смертного пытался сделать этот мир лучше, чем он есть на самом деле, в своих странствиях влюбился в некую женщину, но когда её подло убили, то Господь Бог пришел в такую ярость, что вопреки чьим-то указаниям вышел из себя и устроил жителям средневекового городка нечто вроде Армагеддона, только в его руках были не какие-то нелепые огненные шары, а самый настоящий рыцарский меч из стали, которым он прорубил себе путь сквозь свиту вероломного короля, и, добравшись до последнего, положил конец его тирании. Закончилась же книга тем, что после этого события самого Господа Бога забрали какие-то его друзья, с которыми, гуляя по эдемским садам, этот в высшей степени странный персонаж поедал клубнику и в шутку пугал окружающих своими ладонями, испачканными её соком.

На Делию всё это произвело весьма и весьма сильное впечатление, но поскольку дядя Джо сказал ей, что другие взрослые не оценят такую интерпретацию Господа Бога из уст малышки, то Делии оставалось только придержать язык и тихо покинуть церковь, получив из уст викария ответ, который ничего не объяснил ей и ничуть не помог ей в том, как ей нужно было поступить в ситуации, когда её родители замыслили нечто нехорошее и скрыли от неё истинную судьбу её друга.

Воспоминание о разговоре с викарием привело Делию в состояние, близкое к отчаянию. Она глубоко вздохнула и, расправив затекшие от холода плечи, провела рукой по холодной пластиковой поверхности подоконника. Луна уже давно скрылась за облаками, и в ночном воздухе чувствовалась сырость надвигающегося ненастья. В голову девочки закралась мысль о том, что в любой момент может пойти дождь, отчего она рискует промокнуть под его струями,

но малышка продолжала сидеть на своём месте, изредка бросая взгляды в свою комнату — что, если дверь вдруг откроется и к ней войдет её мама или папа?

Но, к большому счастью Делии, никто из её родителей не входил в спальню. Это её полностью устраивало — сейчас, больше, чем когда-либо, девочка не желала их присутствия, потому что чувствовала острую необходимость забыть об их существовании и вспомнить самые яркие фрагменты своей жизни, которые произошли с ней вплоть до сегодняшнего момента. Успокоившись, Делия подняла голову к небу и, закрыв глаза на несколько секунд, постаралась выкинуть из головы все мысли о настоящем, чтобы они не мешали сосредоточиться на образах из счастливых моментов её совместного с дядей Джо прошлого.

Она не рискнула устать от кропотливого перебора своих воспоминаний и провалиться в сон, потому что холодный ветер, дувший со стороны леса, просто не давал ей такой возможности. В отличие от Нью-Йорка, где Делия ранее жила со своими родителями, в Портленде никак невозможно было подвергнуть сомнению существование природы вокруг, что часто случалось с девочкой на заполненных автомобилями улицах мегаполиса, где любая травинка, робко растущая в трещинах асфальта, казалась малышке символом зелёного мира и в то же время олицетворением дикой природы в одном лице.

В голове Делии всплыли образы их с Джорданом самого последнего времяпрепровождения. Это ни в коем случае нельзя было назвать свиданием, ибо, во-первых, Делия была слишком маленькой для этого, а во-вторых, если свидание обычно представляет собой встречу наедине, то это мероприятие проходило в компании близкого друга дяди Джо, которого девочка заочно уважала, но никогда раньше не видела.

В её собственном воображении мир вокруг возвращался назад сквозь время. Сама Делия не участвовала в тех событиях — не в том смысле, что её там не было физически. Напротив, Делия была непосредственно вовлечена в те происшествия. Дело было в том, что в воспоминаниях отсутствовал её собственный визуальный облик, ибо ещё не родился такой человек, который мог бы видеть себя со стороны, не теряя при этом способности ориентироваться в окружающем мире и оценивать происходящее с точки зрения от первого лица.

Визит к другу Джордана был неожиданным сюрпризом для маленькой Делии, который не входил в её планы на вечер того дня. Совсем наоборот, к этому моменту малышка уже несколько раз делала дяде Джо недвусмысленные намеки на то, что ей пора идти домой, дабы приступить к своим прямым обязанностям по подготовке к завтрашнему экзамену по литературе, которого она с нетерпением ожидала наравне со своими одноклассниками. Её дом был совсем рядом — буквально через следующую калитку направо, но Делия не могла избавиться от ощущения, что если она уйдет от своего соседа без спроса, то испортит ему настроение, чего ей на самом деле совсем не хотелось. Поэтому она пыталась уговорить Джордана отпустить её вместо того, чтобы самой покинуть его дом.

— Дядя Джо, я умоляю тебя! — громко говорила она ему. — У меня завтра важный экзамен в школе, я просто не представляю, как я смогу его сдать...

Но дядя Джо, как ни в чем не бывало, продолжал сидеть в своём кресле, держа в руках книгу, которую читал с заметным любопытством. Делия поняла, что её просьба останется без ответа, и решила проявить настойчивость. Сделав несколько шагов к креслу, в котором сидел дядя Джо, она перешагнула через ноги мужчины и положила свои ладони на зеленые ситцевые подлокотники. В этот самый момент Джордан вдруг захлопнул книгу и поднял на девочку взгляд, который прошел мимо её внимания, потому что Делия невольно заинтересовалась

обложкой книги. Это была брошюра в твёрдом переплете с названием, написанным огромными белыми буквами на глянцевой голубой поверхности.

— «Книга Света», — прочитала Делия с некоторой запинкой, словно пробуя это слово на вкус.

Она убрала руки с подлокотников и вопросительно посмотрела на дядю Джо, на лице которого появилась загадочная улыбка. «Его забавляет мое произношение?» — спросила она себя, когда их взгляды встретились. Малышке стало не по себе, и она снова уткнулась в книгу. Минуту спустя дядя Джо нарушил молчание.

— Ах, это так, скукотища, — извиняющимся тоном начал он, — всё об каком-то там исцелении и кристаллах...

Делия, услышав это определение, едва сдержала улыбку. Она всегда считала, что её взрослый друг является ценителем качественной литературы, и была сильно удивлена тому, что он позволил себе взять в руки такую глупую и никчёмную книжку. Но что поделать, когда вокруг снуёт так много идиотов, готовых платить за какую-то ерунду, которую они сами даже не понимают... От этих мыслей девочке вдруг до смерти захотелось сказать что-нибудь дерзкое и насмешливое в сторону брошюры, которую Джордан тем временем уже положил на стол справа от своего кресла. С этой мыслью Делия широко расставила локти, уперла руки в бёдра и расправила плечи, чтобы выглядеть как можно более энергичной.

— А также о дурацком хламе! — сказала она громко и членораздельно, подражая голосу литературного критика, который зачитывал свою разгромную рецензию на книгу какого-нибудь графомана.

На самом деле Делия не была уверена в необходимости такого эффекта — обычно она никогда не опускалась до такого наигранного пафоса, по крайней мере в общении со своими родителями. Но в ту минуту её обуяла идея, что таким образом она сможет произвести некоторое впечатление на дядю Джо, доказав ему, как хорошо она разбирается в современной литературной кухне. И так уж совпало, что она не ошиблась в своих расчётах — её взрослый друг одобрительно посмотрел на свою юную подругу и кивнул головой.

— А ты знаешь, я с тобой полностью согласен! — радостно воскликнул он. — Меня уже тошнит от этой эзотерической чепухи. Я бы никогда не взял в руки подобную книгу, если бы на улице меня не вынудил её взять один юридивый. Кстати, — внезапно он сменил тон, — мне было бы весьма интересно узнать, почему ты считаешь эту книгу, как ты выразилась, «дурацким хламом»?

Задав этот вопрос, дядя Джо пристально посмотрел на Делию, и по его серьёзному лицу было ясно, что он ждёт не дожждётся её ответа. Девочка почувствовала себя неловко, и весь её боевой пыл будто бы испарился. Она покраснела и опустила глаза, но Джордан, казалось, не желал менять тему. Он подождал, пока Делия снова поднимет на него взгляд, и подмигнул ей.

— Скажи мне, почему тебе не понравилась эта книга? — повторил он свой вопрос.

Делия поняла, что молчанием ей не отделаться, к тому же ей необходимо было как-то разрядить возникшее между ними напряжение, и поэтому она решила подыграть дяде Джо, дав ему такой ответ, который, как она справедливо полагала, должен был понравиться ему и порадовать его до глубины души.

— Я считаю, — сказала Делия, на секунду подняв глаза к потолку, — что человеку не пойдут на пользу какие-то камешки. Кристаллы никаким образом не могут помочь здоровью, это полная

чушь! — воскликнула она с неожиданной энергией.

Её прямой ответ, поддержанный её интонацией, прозвучал настолько искренне, что он, как казалось девочке, и вправду привёл дядю Джо в восторг — по крайней мере, он ухмыльнулся и несколько раз одобрительно кивнул ей. Сама же Делия испытала в эту минуту странное чувство — как будто она только что произнесла речь перед публикой, которая встретила её выступление бурными овациями и аплодисментами. Девочка поправила свои непослушные тёмные волосы, оправила юбку и попыталась напустить на лицо безразличное выражение, чтобы хоть как-то скрыть охватившее её замешательство, но румянец, появившийся на пухлых щёчках малышки, свидетельствовал о том, что в искусстве притворства ей явно никогда не получится достигнуть успехов.

Как бы между прочим, дядя Джо поднялся со стула. Маленькая девочка вздрогнула и, сделав пару шажков назад, инстинктивно прикрылась рукой, хотя ей ничего не угрожало. Джордан подошёл к столу и, взяв в руки эту злополучную книгу, повернулся к Делии, которая, словно замороженная, стояла перед креслом и смотрела на него сквозь пальцы с некоторым удивлением, но уже без страха.

— Я хочу сделать тебе кое-что приятное, — сказал он, открывая брошюру. — Ты ведь любишь...
— он вдруг замолчал и начал в беспорядке перелистывать страницы.

Делия невольно задумалась о том, что же имел в виду её взрослый друг. Малышка убрала руку от лица и, прищурившись, внимательно посмотрела на его сосредоточенное лицо.

— Что я люблю? — спросила она с едва скрываемым любопытством. — Читать? Рисовать?

— Испепелять, — неожиданно ответил ей дядя Джо и яростно дёрнул книгу за края переплета.

Раздался звук рвущейся бумаги, и несколько книжных страниц полетели на половицы. В следующий момент Джордан начал с удвоенной силой рвать книгу на куски, в то время как Делия молча наблюдала за его действиями. Она даже подумать не могла, что может прийти в такой восторг от вида взрослого мужчины, утруждающего себя таким нетипичным для своего возраста занятием. Вскоре у ног дяди Джо лежала стопка изорванных бумажных страниц, а твердый переплёт, который он не смог разорвать, был брошен на пол рядом со всем остальным. Не скрывая обуявшую его радость, мужчина достал из кармана зажигалку и кивнул девочке, которой невольно стало смешно, но она сумела подавить улыбку, не желая показаться невежливой.

— Возьми этот мусор, — дядя Джо пнул бумагу носком ботинка, — и отнеси к камину.

После этих слов он отошёл в противоположный угол комнаты, а Делия, после небольшого колебания, присела на корточки рядом с тем, что осталось от дурацкой книжки, и начала осторожно подбирать её с пола — кусочек за кусочком, — складывая эти обрывки в подол своей лёгкой юбки, которую она обычно носила осенью, когда погода была ещё достаточно теплой, чтобы ходить в лёгкой одежде. Собрав все, что лежало на полу, Делия выпрямилась и повернулась в сторону камина, рядом с которым уже стоял дядя Джо.

— Иди сюда, — он поманил девочку жестом.

Придерживая подол своей юбки, девочка медленно, чтобы не выронить бумагу, двинулась к дяде Джо. Как только она оказалась рядом с ним, мужчина наклонился и открыл железную дверь камина.

— Бросай всё сюда, — кивнул он малышке, имея в виду обрывки книги.

Делия с облегчением отпустила руки от юбки, и бумага, издавая лёгкий звук шелеста, полетела прямо в тёмную пасть камина. Только картонный переплет, казалось, боролся за свою жизнь и с едва слышным стуком упал ей под ноги. Маленькой девочке пришлось наклониться и поднять его с пола, после чего она бросила переплёт к остальным обрывкам.

— Я горжусь тобой! — воскликнул дядя Джо с несколько преувеличенным торжеством. — А теперь отойди в сторону.

Делия подчинилась, и её взрослый друг присел на корточки перед камином и щелкнул зажигалкой. Через несколько секунд прямо перед его лицом послышался треск, но ничего страшного, конечно, не произошло — это был всего лишь небольшой вспыхнувший огонь. Через несколько мгновений языки пламени уже лизали картонный переплет и бумагу, которая лежала посередине камина. Дядя Джо встал с пола, отряхнул пыль с коленей и, засунув руки в карманы брюк, встал рядом с девочкой.

— Книга Света, говорили они... — с иронией в голосе тихо пробормотал он, глядя на огонь.

— Да будет свет! — весело ответила Делия, не сводя глаз с языков огня, танцующих в камине.

Таким образом Джо и Делия стояли некоторое время, молча наблюдая, как огонь превращает бульварную эзотерическую ерунду в то, чем она по сути и является — в пепел, только не в переносном, а в самом что ни на есть буквальном смысле. У девочки возникло ощущение, что акт сожжения, который они только что совершили, являлся вызовом всему обществу этих сумасшедших экстрасенсов, которые сами не понимают смысла своего псевдонаучного учения, но зато с удивительным упорством пытаются обратить остальных в свой бессмысленный культ, наивно полагая, будто образованному человеку есть какое-то дело до их нелепой и бессмысленной возни с кристаллами и подобной ерундой, которая якобы приносит человеку пользу и очищение — максимум, что очищалось от такого учения, это карманы наивных дурачков, которые попадались на удочку этих шарлатанов.

Внезапно дядя Джо запрокинул голову к потолку, и девочка услышала его смех, чем-то похожий на смех ребенка, который получил долгожданный подарок. Она вздрогнула от неожиданности и отшатнулась в сторону, но вскоре поняла, в чем дело, и рассмеялась вместе с ним. Её смех был полон такой безудержной радости и счастья, какого она никогда раньше не испытывала — казалось, все её существо было наполнено таким блаженством и покоем, которых раньше не могло вызвать никакое другое событие в её жизни, даже дни рождения, Рождество или какие-нибудь другие семейные праздники. Именно это странное событие — сожжение идиотской брошюры в камине соседа — смогло каким-то чудом вызвать у неё прилив счастья подобной силы.

Вскоре они смогли подавить этот приступ веселья — сначала перестал смеяться дядя Джо, а потом и сама Делия. Мужчина и маленькая девочка стояли у камина, где догорали последние страницы глупой и бесполезной книжки, которую они оба не без оснований считали если не плохим, то, по крайней мере, отупляющим чтивом. Сожжение этих страниц придало им уверенности в себе и, можно даже сказать, пробудило вкус к жизни.

Дядя Джо, оторвав взгляд от камина, повернулся к своей юной подруге и некоторое время пристально смотрел на неё, очевидно, пытаясь понять по выражению лица малышки, какое впечатление произвел на неё их внезапный поступок. Делия, почувствовав на себе его взгляд, смущенно покраснела и начала расправлять свою слегка помятую юбку.

— Тебе понравилось? — ласково спросил мужчина.

В ответ девочка, не говоря ни слова, утвердительно кивнула головой.

— Ты никогда раньше так не смеялась, — продолжил дядя Джо. — Согласись, ведь это здорово — сжигать книги?

— Если они глупые, то да, — весело ответила Делия, подпрыгивая на месте.

— Я не говорю, что так можно поступать по отношению к литературе в целом, — словно оправдываясь, начал объяснять Джордан. — Такие книги, которые действительно могут чему-то нас научить, следует лелеять как зеницу ока и поэтому их не следует сжигать ни в коем случае.

Делия поднесла руку к лицу и задумчиво почесала подбородок, что явно позабавило её собеседника, который в ответ на её жест склонил голову набок и издал некое подобие смешка. Это слегка задело девочку, но она не подала виду. Глядя на дядю Джо, она вдруг отчетливо осознала, насколько же они всё-таки с ним были похожи — дело было не столько во внешних данных, сколько в том, насколько у них обоих были схожие внутренние качества. Ведь если покопаться в глубинах его души, то окажется, что разницы в возрасте между ними как бы и не существовало — дядя Джо в свои двадцать четыре года был всё таким же наивным и инфантильным, как и сама Делия. На самом деле, единственная разница между ними заключалась лишь в уровне знаний и опыта.

— Подожди секунду, — вдруг сказал дядя Джо, поднимая палец к потолку.

После этого он подошел к письменному столу, на котором лежали какие-то бумаги, книги, а также стоял небольшой телефонный аппарат. Делия уставилась на него в замешательстве, но когда рука мужчины потянулась к телефонной трубке, она не выдержала и сделала несколько неуверенных шагов по направлению к нему.

— Кому ты звонишь? — спросила она с внезапной дрожью в голосе.

— Успокойся, Делия, — сказал дядя Джо, с любовью глядя на нее, — просто дай мне минутку поговорить.

С этими словами он начал набирать номер, и девочка услышала характерный звук, с которым вращался диск аппарата (у дяди Джо была очень старая модель телефона). Малышка поняла, что Джордан хотел бы, чтобы она отошла от него и не мешала его разговору, но на всякий случай она задала ему ещё один вопрос.

— Это имеет отношение ко мне? — спросила она без малейшего колебания.

— У меня такое чувство, что ты читаешь мои мысли, — улыбнулся дядя Джо. — Конечно, это связано с тобой. Тебя ждёт кое-что очень интересное. Очень, — повторил он и, чтобы подчеркнуть важность слова, щелкнул пальцами свободной руки.

Успокоившись, Делия встала у него за спиной. Ей вдруг в голову пришла замечательная идея — подслушать чужой разговор и узнать, о чём говорят взрослые! Лёгкая ухмылка появилась на губах дяди Джо, и он одобрительно кивнул головой, словно поощряя её любопытство. Видимо, первое впечатление было обманчивым, и на самом деле он был совсем не против того, чтобы девочка услышала содержание его разговора с человеком на другом конце провода. Прошла почти минута, сопровождаемая размеренными звуковыми сигналами, пока в трубке не

раздался молодой мужской голос.

— Привет, Джо, зачем беспокоишь меня в столь ранний час? — сварливо проговорил невидимый девочке собеседник.

Делия едва не рассмеялась — на часах было уже пять часов пополудни, а этот джентльмен почему-то считал это время ранним. «Может, он любитель поспать до обеда?» подумала она, прикрывая рот рукой, чтобы не засмеяться.

— Привет, Джаф, — весело сказал дядя Джо, — я звоню узнать, как у тебя дела, в каком ты настроении.

— Послушай, что это за бред, — не слушая его слов, с отчаянием проговорил собеседник, — когда электричество отключают по утрам и включают только к вечеру? Я уже устал одеваться при свечах по утрам!

— Без понятия, приятель, — спокойно ответил Джордан, — у меня электричество с другой подстанции.

Делии было скучно слушать, как взрослые обсуждают проблемы с электроэнергией, но она понимала, что это только начало разговора, а самое важное будет сказано позже. Интуиция не подвела девочку.

— Послушай, Джаф, — с притворной беспечностью сказал дядя Джо, — ты не возражаешь принять у себя пару не слишком звездных гостей?

— Пару? — раздался удивленный голос в трубке. — Ты что, не один ко мне в гости собираешься?

Малышка слегка покраснела, когда её взрослый друг употребил фразу «не слишком звездных гостей». «Мне показалось», — подумала она, — «или дядя Джо на самом деле считает меня недостаточно умной, чтобы быть равной ему?» Однако Джордан, занятый разговором, не заметил задумчивого выражения на лице ребёнка.

— Да, дружище, я хочу познакомить тебя с моей новой соседкой, Делией, дочерью фармацевта. Очень умная и милая девочка, — при этих словах он повернулся к малышке и немного смутился, когда встретился с ней взглядом.

— Ребёнка хочешь ко мне привести... — задумчиво ответил голос, будто что-то прикидывая.

— Боишься, что юной леди станет скучно и она на всю жизнь запомнит тебя редкостным занудой? — усмехнулся дядя Джо. — Ошибаешься, приятель — Делия девочка серьёзная, любит поговорить на литературные темы. Вот, например, мы недавно с ней читали Братьев Стругацких, и ей это очень понравилось.

— Кого? — не понял мужчина на другом конце провода.

— Ну, ты помнишь книгу, которую мне подарил дядюшка Корбл? — сказал дядя Джо, не скрывая гордости за себя и Делию.

— А, та, которая на немецком языке... — пробормотал голос, словно только сейчас понял, о чем говорил его собеседник.

— Так что не парься о скуке, Джаф, — подбодрил друга Джордан, — посидим, поболтаем, книжку почитаем, поглазеем друг на дружку... Главное, чтобы было что на стол поставить, надеюсь, у тебя с этим нет никаких проблем?

В трубке воцарилось молчание — очевидно, Джаф пошел проверять, есть ли у него что-нибудь в холодильнике. Делия, которая всё это время молча стояла за спиной дяди Джо, вдруг почувствовала сильный голод, потому что в тот день она принимала пищу только два раза — дома с утра и когда только-только пришла к соседу. В обоих этих случаях дело ограничилось малым — половинкой грейпфрута и домашним песочным печеньем, которым дядя Джо хотел её порадовать, но его кулинарные способности не произвели на малышку особого впечатления, и в итоге Делия все равно проголодалась.

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539625>